

Паола Чони, М.А.Ариас-Вихиль

ВОСПОМИНАНИЯ А.А.ЛУНАЧАРСКОЙ О МАКСИМЕ ГОРЬКОМ

Статья состоит из двух частей: аналитической преамбулы и публикации воспоминаний А.А.Луначарской (Малиновской), хранящихся в Архиве А.М.Горького Института мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук. В статье речь идет о сложных перипетиях взаимоотношений между создателями Каприйской школы: М.Горьким, А.Луначарским и А.Богдановым. Несмотря на идейную близость, их союз закончился полным разрывом отношений. Воспоминания А.А.Луначарской (Малиновской) позволяют прояснить множество аспектов относительно закрытия школы и разрыва отношений между М.Горьким и А.Богдановым. Идейное сближение писателя с Богдановым в советской историографии всегда рассматривалось как ошибка, в которой Горький раскаялся, а затем вернулся к ленинским принципам. В действительности дела обстояли по-другому. Горький остался верен идеям Богданова, а прекращение их дружбы произошло из-за личных разногласий, связанных с не совсем корректным поведением М.Ф.Андреевой, о чем свидетельствуют Воспоминания А.А.Луначарской (Малиновской).

Ключевые слова: Горький, Луначарский, Богданов, Анна Луначарская, партийная школа на Капри, Мария Андреева, Ленин

История Каприйской школы в советскую эпоху долгие годы цензурировалась, и только с конца 80—х годов историки / исследователи вновь обратились к ней. Публикация большого корпуса документов, хранящихся в советских, итальянских и американских [1] архивах, позволила объективно реконструировать факты, которые прежде были известны лишь в советской трактовке, которая рассматривала каприйский опыт как незначительный эпизод. В проекте школы нашли свое отражение идеи А.Богданова — автора значимых философско-политических работ, как например три тома «Эмпириомонизма» (1904—1906) — который был убежденным приверженцем коллективизма и недогматического восприятия марксизма. Эти идеи разделяли А.В.Луначарский и Максим Горький, но их решительным противником оказался Ленин. Три товарища по партии представили свои идеи в философско-политическом сборнике «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909), опубликованном вместе с философом Базаровым, ставшим одним из преподавателей школы [2]. В сборнике они указывали на коллективизм как на новую идеологию будущего общества.

В отличие от Богданова, Луначарский и Горький были также уверены в необходимости превратить марксизм в новую религию. Данная концепция подробно выражена в двух томах написанной А.В.Луначарским работы А.В.Луначарского, а также в повести «Исповедь» Максима Горького, в которой писатель впервые использует термин «богостроительство». Будучи товарищами по партии, Горький и Луначарский встретились в 1907 году во Флоренции, хотя их переписка началась годом раньше. С момента их встречи во Флоренции между ними возникли симпатия и дружба, которые позволили им задумать и осуществить много общих проектов. Горький с энтузиазмом читал статьи Луначарского уже с 1904 года, что доказывает его письмо к жене Е.П.Пешковой, в котором он советует ей познакомиться со статьей Луначарского «Идеалист и позитивист как психологический тип» [3]. В последующие годы и Горький, и Луначарский увлеклись идеями А.Богданова.

В годы, предшествующие революции 1905 года, Богданов наряду с Лениным был наиболее значительным представителем большевистской фракции РСДРП, но их взгляды на марксизм были различными. Идеи Богданова стали причиной открытого противостояния между его сторонниками и последователями Ленина. Что касается политической практики, разногласия в большевистской фракции вызвал вопрос об участии в выборах в Думу: Ленин, в целях распространения идей большевизма, настаивал на присутствии в Думе депутатов от социал-демократической партии; Богданов же, при поддержке Луначарского и Станислава Вольского, высказывался за продолжение революционных действий альтернативными прямому выступлению способами в обход парламента. Таким образом, он был твердо намерен бойкотировать выборы в третью Думу. Позиция Богданова, в то время гораздо более известного в пролетарской среде, чем Ленин, в особенности благодаря непосредственному участию в Революции 1905 года (Ленин вернулся в Россию только в конце 1905 года), нашла сторонников среди рабочих, которые в большинстве своем воздержались от голосования.

Разногласия Ленина с «левыми большевиками» (такое определение дал Ленин группе интеллектуалов, объединившихся вокруг Богданова) возникли также по другим принципиально важным вопросам¹. Одно из принципиальных разногласий касалось роли интеллигенции в руководстве партии. Ленин предлагал строго централизованную структуру партии, возражая против принципа спонтанности; в противоположность ему Богданов, связывая поражение революции с той ситуацией смятения, которая воцарилась среди неспособных к самоуправлению местных организаций, был убежден, что у пролетариата должна быть своя интеллигенция. По мнению Богданова, причины неудачи следовало искать в глубокой политической незрелости пролетариата,

¹ В данной короткой статье мы не будем останавливаться на рассмотрении философского аспекта разногласий между Богдановым и Лениным, который был подробно проанализирован в работах Ю.Шеррер, Г.Гловели, Д.Стейлы.

которую необходимо было преодолеть путем постоянных усилий интеллигенции, направленных на развитие в рабочих сознания своего угнетенного положения и на достижение их реальной эмансипации. Для этого партийная интеллигенция должна выполнять роль идеологического посредника, постепенно освобождаясь от присущего ей от природы индивидуализма. Авторитаризм партийной верхушки был, считал Богданов, буржуазным пережитком, который необходимо искоренить. Мысль о необходимости создания новой интеллигенции пролетарского происхождения разделялась Горьким и Луначарским. Совместно с Богдановым они решили открыть на Капри Высшую школу для рабочих. В этом проекте, основываясь на схеме исторического развития, предложенной Марксом, интеллигенция, объединившаяся вокруг Богданова, пыталась повторить в культурном плане путь буржуазии к французской революции. Однако они надеялись зайти гораздо дальше революционеров конца XVII века: они были убеждены, что, благодаря своей работе, сумеют добиться радикальной антропологической трансформации. Главными средствами этого изменения, которое должно было привести к появлению нового человека, были школы для рабочих и Энциклопедия для трудящихся. Разумеется, проект был в большой степени утопичным, что подтверждается также и эволюцией личных взаимоотношений между Горьким, Богдановым и Луначарским.

В месяцы, предшествующие открытию школы, дружба между Горьким и Луначарским привела последнего на Капри вместе с женой Анной Александровной Малиновской, сестрой А.А.Богданова. В письмах этого периода Горький много и с энтузиазмом говорит о Луначарском и Богданове. Так, в письме от 16 ноября 1907 г. он писал другу Аврамову:

«Дорогой Роман Петрович, я ужасно рад, что статья Луначарского нравится вам и что вы так верно цените Богданова: на мой взгляд эти двое — красота и сила нашей партии [...] Вообще он (Луначарский — прим. публ.) и Богданов — мои кумиры, никогда еще я не был так увлечен людьми, как увлекают меня эти двое» [4].

Анна Луначарская в своих воспоминаниях, прежде не издававшихся, рассказывает о первой встрече супружеской четы с Горьким и М.Ф.Андреевой во Флоренции, о внимании Горького к своим товарищам, к проблемам со здоровьем А.Луначарской в период, когда она родила сына. Однако постепенно в их дружбе наступило охлаждение, уже за несколько месяцев до открытия школы, когда по приглашению Горького супруги Луначарские в августе 1909 года переехали на Капри. Это охлаждение связано было главным образом с М.Ф.Андреевой, почувствовавшей в юной матери некое соперничество, тем более, что отношения Горького и Андреевой были уже достаточно сложными. Личные отношения между Горьким и Луначарским повлияли и на отношения Горького с Богдановым, которые закончились разрывом. Причиной разрыва долгое время считались теоретические разногласия писателя и партийного философа, этого мнения придерживалась и советская критика, утверждавшая, что сближение Горького с Богдановым было ошибкой, в которой Горький затем раскаялся и вновь встал на сторону Ленина. Приводимое свидетельство Анны Луначарской подтверждает, что личные взаимоотношения между организаторами сыграли определяющую роль в прекращении сотрудничества Горького и Богданова. В конфликтах, предшествующих закрытию рабочей школы, М.Ф.Андреева оказалась главным действующим лицом. Ее ревность по отношению к А.Луначарской и заносчивое поведение с рабочими-учениками школы стали одной из причин конфликта.

К.П.Пятницкий в своем дневнике писал: «М<ария> Ф<едоровна> рассказывает: вчера Богд<анов> показал А<лексею> М<аксиминовичу> “документики” против М<арии> Ф<едоровны>: 1) Письмо, что не хватает денег на школу, 2) Письмо, где говорилось, как расстраивает отъезд в Алассио (в Алласио, Лигурия, находились жена Горького Е.Пешкова с сыном — прим. публ.)... Что же сказал А<лексей> М<аксиминович>? — Сказал из этих писем я вижу одно — какая хорошая женщина М<ария> Ф<едоровна> и какой подлец Вы» [5] (1909).

Пятницкий также записал, что Горький сказал М.Ф.Андреевой после последней встречи с Богдановым и Луначарским: «Я сказал сегодня, что я не хочу иметь дел с Б<огдановым>. и Л<уначарским>, как только кончится школа. Между ними нет ни одного социалиста» [5].

Проблемы личного характера подтверждаются и самой М.Ф.Андреевой, которая в конце 1909 пишет И.П.Ладыжникову: «За последнее время мне пришлось пережить такие ужасные, такие совершенно невероятные разочарования, пришлось убедиться в мелочности и нечестности таких людей, которые для меня были Человеками с самой большой буквы [...] Предупреждаю Вас — я нынче, по терминологии Луначарского, Богданова и Ко, — “мерзкая женщина”, меня собирались даже сумасшедшей объявить — не хочу играть с Вами в прятки» [6, с. 136].

Похожие жалобы можно увидеть в следующем письме Буренину, в котором актриса говорит о документах, упомянутых в дневнике Пятницкого: «Весьма вероятно, что Вы услышите что-нибудь о том, что меня кислотой облили [...], так как я признана “вредным элементом, враждебно настроивающим, который необходимо устранить всеми мерами”. Уже были попытки клеветы, обмана, использования моих старых дружеских писем в качестве “документиков”, пока это разбилось о несомненную мою правоту и честность, но кто знает, что еще придумают» [6, с. 138].

Ревность, невежливое и некорректное поведение Андреевой по отношению к рабочим и к некоторым преподавателям отмечаются в дневнике Анны Александровны Малиновской: «Я часто задумывалась над личностью Марии Федоровны, над ее совершенно противоречивыми поступками и высказываниями. Особенно, что меня поражало, это ее спокойная уверенность, с которой она выдумывала самые невероятные вещи

относительно человека, который почему-нибудь вызывал ее антипатию. Часто мне даже казалось, что в ней уживались две личности, совсем противоположные одна другой. С одной стороны, обаятельная, полная сочувствия к человеку и другая — злобная, жестокая, готовая на все, чтобы очернить этого человека. Откуда родилась эта вторая личность! Властная, она доводила свою властность до деспотизма. Человек, не подчиняющийся ее деспотизму, становился для нее личным врагом, и тут фантазия ее не знала пределов» [7].

Анна Александровна Луначарская имеет в виду несколько эпизодов, произошедших в период подготовки и работы Каприйской школы: «Но тут произошло что-то непонятное, что до сих пор я не могу себе объяснить. Я заметила странно нервное отношение ко мне Марии Федоровны. Как раз приехал мой брат Богданов со своей женой. [...] И вот однажды жена брата сказала мне: “Будь осторожна, так как Мария Федоровна к тебе ревнует”. [...] И хотя то, что мне сказала жена моего брата, показалось мне до такой степени нелепым и парадоксальным, что я скорее приписала это ее заблуждению и не обратила на это особого внимания. Но когда мой брат Богданов подтвердил это, я стала наблюдать. Странно, почему у нас так могли измениться отношения!» [7].

Луначарским пришлось переехать в Неаполь. Там Рабочий Каприйской школы Михаил Заводской (Н.Вилонов) сообщил Анне Александровне о рассказах Андреевой: «С полным спокойствием Мария Федоровна описывала мою жизнь в Неаполе и сообщала, почему я не приезжаю на Капри. Дело в том, что, по ее мнению, я изменяю Анатолию Васильевичу, оставаясь одна, даю волю своим склонностям к флиртам и т.д.» [7].

Воспоминания Луначарской проливают свет на роль Марии Андреевой в последовавшем разрыве отношений между Богдановым, Луначарским и Горьким. Об этом разрыве М.Ф.Андреева упоминает в письме к А.В.Амфитеатрову: «А.А.Б[огданов]у я вынуждена была сказать, что не стану подавать ему руки, что с Л[уначар]скими мы разошлись открытыми врагами, что всех их я возненавидела за их отношение к А[лексее] М[аксимовичу] — идеи хорошие, а люди — очень уж что-о плохи и мелки» [6, с. 137].

Очевидно, что Горький принял сторону Андреевой, хотя, возможно, отдавал себе отчет в ревнивом отношении М.Ф.Андреевой к А.А.Луначарской. В своих воспоминаниях о Горьком В.Ходасевич сообщает следующие факты: «Луначарский, тогдашний комиссар народного просвещения, хорошо относился к Горькому, но был в дурных отношениях с его женой. Причина этих неладов была вполне анекдотическая. В эпоху первой эмиграции существовала, как известно, большевистская колония на Капри. Жил там и Луначарский с семьей. Однажды у него умер ребенок. Похоронить его по христианскому обряду Луначарский, как атеист, не мог, а просто зарыть трупик в землю все же оказалось ему нехорошо. Чудак додумался до того, что стал над мертвым младенцем читать стихи Бальмонта. Мария Федоровна Андреева подняла его на смех при всей честной компании. Произошла ссора, кончившаяся по тогдашнему обычаю третейским судом. Противников помирили, но сам Горький мне говорил, что Луначарский навсегда возненавидел Марию Федоровну и именно по этой причине обошел ее при назначении заведующей Тео» [8].

Переписка Горького и Богданова продолжалась в месяцы, последовавшие за закрытием школы. Анализируя их письма, можно увидеть постоянные попытки Богданова вовлечь Горького в проект открытия новой школы в Болонье, а также в издательские планы. Однако эти попытки не увенчались успехом. Писатель отвечает на письма в холодном тоне и отказывается преподавать в Болонской школе [9, 10]. Горький также не подписал программное заявление сторонников партийной группы «Вперед».

В конце 1910 года Горький в суровом тоне пишет Богданову: «Я, как Вам известно, очень уважаю и ценю Вас — мыслителя и революционера, но не стану отвечать на Ваши письма: вы пишете их слишком строго и так, точно вы унтер-офицер, а я — рядовой вашего взвода» [11, с. 87].

В том же письме Горький обращается к обстоятельствам ссоры, связанной с Анной Александровной Малиновской, причины которой остаются не выясненными до конца: «Кстати, я нашел Ваше письмо, в коем есть следующие место: “что Луначарский мог очаровать Вас несомненным, хотя несколько безалаберным богатством природы, это понимаю; а вот на счет Анюты, моей сестрицы, скажу прямо: тут у меня рецензия другая [...]”. В разговорах со мною и М.Ф., эта рецензия выяснилась для меня в очень нелестной форме по отношению к Анне Александровне. Вы определенно называли ее субъектом истерическим и, выражаясь мягко, склонным к преувеличениями. А когда мы трое — Вы Луначарский и я — говорили по поводу известного инцидента — Вы отрелись от ваших письменных и устных мнений о сестре. Очень может быть, что Вам покажется смешным это — но я не забываю таких вещей, и для меня они играют решающую роль в отношении моих к людям [...]» [11, с. 87-88].

В отсутствие теоретических разногласий между двумя бывшими друзьями нам кажется вполне правдоподобной точка зрения, которая относит их разрыв на счет соображений, далеких от политики. Тем более, как отмечал сам Богданов спустя несколько лет после закрытия Школы, «От коллективизма [...] Горький нигде прямо не отказывался» [12, с. 130]. Верность Горького идеям Каприйской школы подтверждает содержание письма к Е.К.Малиновской, где он объясняет свой отказ от участия в Болонской школе: «Можно работать в одной линии и не встречаясь лично» (26 января (8 февраля) 1911) [13, с. 249].

Еще более значительным в этом плане выглядит послание писателя к Григорию Алексинскому в начале 1911 года: в нем Горький поздравляет друга с «замечательной статьей», опубликованной им во втором выпуске журнала «Вперед». Одоблив работу самого Алексинского, писатель добавил: «И вся книжка — хороша» [14, с. 10]. Через несколько месяцев Горький обратился также к Алексинскому с просьбой дать ему адрес Богданова:

«Очень прошу вас будьте добры, сообщите мне адрес Станислава Вольского и А.А.Богданова. К великому огорчению моему, у меня с последним некоторые контры, благодаря его сестрице, окаянной, но — есть идеи и могут быть предприятия, о коих он должен знать» [14, с. 40]. В подтверждение своего неизменного интереса к идеям Богданова в том же письме Горький спрашивал: «Кстати, нет ли у Вас последней книги Богданова о новой культуре? (Речь идет о книге «Культурные задачи нашего времени», М., 1911 — прим. публ.) Пришлите, прошу» [14, с. 40].

После закрытия Школы и разрыва между Горьким и Богдановым Ленин возобновил активные попытки привлечь писателя на свою сторону. Однако процесс сближения шел нелегко: в этом диалоге писатель оказался не менее упрямым и гордым, чем его собеседник. Когда сразу же после закрытия Школы Ленин отправил Горькому письмо, в котором рассказывал о своей беседе с Вилоновым и выражал надежду на то, что сможет встретиться с писателем «не как с врагом» [15], Горький, отвергая возможность примирения, в ироническом тоне ответил: «Владимир Ильич, дорогой мой, я Вас очень уважаю, более того — Вы органически симпатичный мне человек, но знаете, Вы наивнейшая личность в отношениях Ваших к людям и в суждениях о них, уж извините меня. Ладно еще, коли только наивнейший, а порою, мне кажется, что всякий человек для Вас — не более, как флейта, на коей Вы разыгрываете ту или иную любезную Вам мелодию, и что вы оцениваете каждую индивидуальность с точки зрения ее пригодности для Вас — для осуществления Ваших целей, мнений, задач. Эта оценка, оставляя в стороне ее глубоко индивидуалистическую и барскую подкладку, [...] неизбежно должна приводить Вас к ошибкам» [16].

Если сравнить тексты писем Горького к Ленину и Богданову, становится ясно, что Горький одинаково оценивал обоих большевистских лидеров и подчеркивал, что они руководствуются разными, но равно неприемлемыми для него личными амбициями. В годы, последовавшие за закрытием школы, отношения между Горьким и Богдановым окончательно прервались, но писатель все же остался верен идеям, получившим свое развитие на Капри. К сожалению, советская историография, создавшая «миф» о пролетарском писателе, уничтожила все следы сотрудничества Горького с «ревизионистом» Богдановым, и изобразила отношения писателя с Лениным в идиллических тонах, подпитывая в течение десятилетий образ, не имеющий никакого отношения к реальности.

Анна Александровна Луначарская: Воспоминания о А.М.Горьком

Флоренция. Декабрь, 1907 год. Я родила. Очнувшись после эклампсии, я еще сквозь туман сознания увидела высокого человека, совсем мне незнакомого. Около кровати стоял Анатолий Васильевич и, взяв меня за руку, сказал: «А это Алексей Максимович Горький». Я взглянула на него и сразу почувствовала какую-то тонкую струю симпатии и восхищения, которые сказались во мне тем, что я с трудом приподнялась и протянула ему руку. Он улыбался ласковой, нежной улыбкой.

А вот и Мария Федоровна. Она вошла. «А это моя жена...». Прекрасная женщина стояла на пороге и смущала меня своим видом. Но она быстро подошла ко мне, нагнулась и поцеловала меня. Союз между нами был заключен.

Стали говорить о том, о сем, и Горький сказал, что он будет моим кумом, но сначала поедет в Рим, чтобы привезти мне соответственный подарок.

Я чувствовала себя страшно утомленной, что было замечено ими, и они быстро, пожелав мне выздоровления, ушли.

Спустя несколько дней у меня разыгралась грудница. Анатолий Васильевич страшно встревожился и написал об этом Горькому. В ответ он получил письмо, которое дал прочитать мне, где Алексей Максимович писал: «Дорогой Анатолий Васильевич, не волнуйтесь. Анна Александровна сильный человек, и она не даст болезни победить ее». И тут же в конце письма прибавляет: «Дорогой Анатолий Васильевич, Вам, наверное, нужны деньги. У нас тоже не много, но, во всяком случае, сотни две я могу вам прислать. Простите, я не умею как-то об этом говорить».

Между прочим, Горький сказал, что он пробудет несколько дней во Флоренции и с помощью Анатолия Васильевича будет осматривать старинные дворцы и музеи. Так как денег у нас, действительно, было очень мало, то предложение Горького пришлось очень кстати. Кроме того, это письмо, в котором звучало столько симпатии и уважения к Анатолию Васильевичу и доброго отношения ко мне, подняло мой дух и мне стало как будто даже легче.

Приехал Горький и привез мне очаровательное кольцо с хризолитом и маленькую ложечку для сына. Мария Федоровна сказала: «Он обрыскал весь Рим в поисках этих подарков». «А теперь, — сказал Алексей Максимович, — выздоравливайте скорее, милая моя женщина, и на Капри. И как нам всем будет хорошо».

Однако болезнь моя затянулась, и теперь я кормила ребенка только одной грудью. Мы долго обсуждали, как нам быть, и тут Алексей Максимович с присущим ему увлечением воскликнул: «Я покупаю Вам козу, и все будет хорошо. И скорее-скорее на Капри».

Через несколько дней мы рассчитались за виллу и уехали на Капри, куда предварительно уже поехали Горькие, чтобы снять нам жилище, вернувшись за нами снова. Мария Федоровна и Анатолий Васильевич, когда мы ехали на Капри, заболели морской болезнью, в то время как мы с Горьким вышли на палубу и долго с восторгом взирали на волны, нисколько не боясь качки парохода. В эти минуты у нас и завязалась та нежная дружба, которая продолжалась больше года — все время пребывания на Капри.

Ну вот мы и на Капри. Ослепительное солнце, тепло, чудесный дом, увитый виноградом, голубое Средиземное море, бесконечное, ласковое, которое я всегда так любила и мечтала о нем. Горькие жили на горе, откуда виднелся Неаполь, сверкающий по ночам бесчисленными огнями. Они совершенно завладели нами, и очень быстро мы уже не мыслили жизнь друг без друга. Каждое утро к нам приходил кто-нибудь от них с просьбой обязательно быть у них сегодня к обеду.

Алексей Максимович очень любил показывать все редкое, что находилось в его вилле. Так, однажды он повел нас в большую комнату, где за стеклом лежала масса редких камней. Между прочим, мое внимание остановил необыкновенный коралловый шпат. Я вскрикнула от восторга, и Горький сейчас же сказал: «Он ваш». Но в это время как раз в комнату вошла Мария Федоровна и сказала жалобно: «Алешенька, это я тебе его подарила». Мы с Анатолием Васильевичем, конечно, отказались. Горький сказал: «Имейте в виду, что он Ваш, и как только Вы захотите его взять — Вы его возьмете». Я ответила: «Да-да», — и, конечно, никогда его не взяла. Для Горького очень характерна его щедрость. Он совершенно не знал цены денег и не интересовался этим, все Капри, населенное рыбаками, обожало его за эту щедрость, и не было вещи, которую бы они для него не сделали. Стоило ему только пожелать. Так же относились они и к Марии Федоровне.

Мне было 22 года, и я обожала их обоих. Марию Федоровну за красоту, а Алексея Максимовича за то великое, что исходило из него и покоряло всякого, кто с ним встречался.

Странно, но, несмотря на то, что Горький был совсем некрасив, он привлекал к себе внимание как самый прекрасный, и рядом с Марией Федоровной-красавицей именно он приковывал к себе всеобщее внимание.

Вот мы за обедом. Длинный стол, за которым сидят множество народу, причем меня и Анатолия Васильевича Горький всегда требовательно сажал рядом с собой, а остальной стол распределяла Мария Федоровна, причем в самом конце стола сидели обычно студенты, вообще молодежь.

Но однажды произошел такой случай. Один из студентов, сидящих на самом конце стола, выразил какое-то сомнение в том, что говорил Горький, или перебил его, и вдруг за всем столом воцарилось молчание. Мария Федоровна посмотрела на него так, что у него язык прилип к гортани.

Меня это возмутило. Почему молодой человек не имел право высказать свое мнение, тем более что сама я в этом отношении была совершенно свободна и непринужденна. Сейчас же я взяла под защиту этого студента, за что Мария Федоровна посмотрела на меня укоряюще, а Алексей Максимович засмеялся.

Позднее, когда мы пришли домой, Анатолий Васильевич сказал мне: «Зачем ты сделала ей неприятное, не надо так». Он был очень мягкий человек, что заставило меня начать спорить с ним, и я осталась при своем мнении, продолжая держать свою линию.

Однажды Алексей Максимович сказал: «Я покажу вам сегодня что-то необыкновенное. Я сам не могу видеть этого без слез. Это тарантелла. На Капри имеется совершенно разрушенный храм Весты, в котором в прежние времена венчались. А сейчас он стоял пустой. Вот в этом-то храме мы и увидели эту знаменитую тарантеллу — танец, переходящий по наследству из рода в род. Коренастая, небольшого роста девочка плотного сложения и ее партнер под звуки бубна танцевали тарантеллу. Действительно, зрелище было необычным. Начиналась она в медленном темпе и доходила до совершенно безумного стихийного движения. Нельзя было смотреть на это без напряжения и огромного волнения. Горький плакал от восторга, я смотрела на него и не знаю, что больше потрясло меня — танец ли, действительно, исключительно оригинальный, порывистый, страстный, или же реакция на него Горького.

Мы много раз ходили с Горьким смотреть этот танец, и однажды мне пришла в голову мысль выучить его и показать Горькому. Эта пара, очень милая и простая, с удовольствием дала мне несколько уроков, но я не решилась показать свое искусство Горькому и танцевала тарантеллу только перед Анатолием Васильевичем.

Для Горького не было большего удовольствия, как рассказывать нам о Капри и показывать его в самых неожиданных видах. Между прочим, мы любили ходить с ним гулять по белым каприйским дорогам к скалам, на которые я взбиралась в те времена с большой ловкостью, за что заслужила название «Козочки» от Горького. Я помню мое смущение и мой стыд, когда однажды я споткнулась и упала. Горький, поднимая меня, сказал: «Будьте осторожны». А я ответила ему: «В жизни надо быть осторожной, упасть легко, а подняться — не всегда». «О, да Вы философ», — засмеялся Горький и взял меня под руку, и мы благополучно вернулись домой. Что было замечательного в Горьком — это его способность быть таким простым, что и сам человек становился таким же.

Между прочим, он рассказал о Капри, что сюда приезжали Крупн с целой плеядой своих соотечественников и занимались тем, что покупали девушек и развращали мальчиков, так что немало населения было здесь смешанным. Моя няня, которую звали Бертой, была типичная немочка, очень симпатичная, добрая, мягкая, и со всеми особенностями немки в отношении аккуратности, чистоплотности, порядливости. Ребенок очень ее любил, а она обожала его и следила за ним, как мать. Мы все были счастливы и не подозревали, какое горе ожидает нас. Но об этом я скажу позже.

Мы с Анатолием Васильевичем бесконечно любили друг друга, жили одним идеалом революции, а наряду с этим увлекались спорами по философии и искусству, которого так много в Италии.

Горький ужасно любил восхищаться нашим счастьем потому, что это был человек, который любил все свежее, здоровое и счастливое и презирал унылое, декадентствующее, разлагающееся. Помню, как он переживал неудачи в этом отношении русских писателей и писал им горькие, заботливые письма, относясь к русской литературе совершенно как мать. К себе он был необычайно строг и говорил, что когда он кончал

какую-нибудь вещь, он долго над ней работал прежде, а потом не мог ее видеть. Нам он читал свои еще не оконченные вещи и, между прочим, был необычайно внимателен к своим слушателям, в частности, ко мне. Я помню, он читал нам «Исповедь», и мне понадобилось бежать к ребенку, чтобы покормить его. Алексей Максимович бережно сказал: «Идите-идите, я не буду читать, пока Вы не вернетесь». И действительно не читал до моего прихода. Все это бесконечно меня трогало и заставляло любить его по—особенному. Это была нежность со всем эгоцентризмом молодости, со всей требовательностью, ревниво следящая за каждым его словом, за каждым проявлением его мысли. Он очень просто, как-то по-детски любил итальянцев. Да и нельзя было не любить этот солнечный, шаловливый, беспечный, добродушный народ. Они отвечали ему тем же, что не мешало им обманывать его чисто по-детски. Бывало так, что вдруг к нам приходил кто-нибудь от Горьких с просьбой одолжить франк, так как у них не было денег на хлеб. Все истрачено. <...>

Горький очень много работал по ночам, а днем они работали вместе с Анатолием Васильевичем над историей русской литературы, которую Анатолий Васильевич писал и которую они вместе обсуждали. <...>

К Горькому всегда приезжала масса людей: писателей, рабочих, студентов и со всеми он был страшно гостеприимен, приветлив и очень любил задавать вопросы и сам рассказывал о своих встречах и о курьезах людей, с которыми он встречался. При этом я обратила внимание на то, что он рассказывал о всех их странностях как бы с недоумением, почти детским, и как бы любовался этим. Для меня не было ничего интереснее, как, усевшись на балконе, смотреть вдаль, слушать его и представлять себе, как он шел по этим большим дорогам, жадно впивая в себя все, что ему встречалось. Он любил природу, понимал ее и, мне кажется, часто сопоставлял человека с природой, и как он мечтал, чтобы человек был так же гармоничен, как природа. Он любил людей, я чувствовала это по его реакциям на те или иные их поступки. Он страшно любил и восхищался всем, что было радостно, честно, полно жажды жизни и силы. Но как же ненавидел он все унылое, разлагающееся, лишенное смелости и дерзновения. Как он жестоко обличал <...> в своих разговорах и в письмах всех этих нытиков, которые, говорил он, засоряют жизнь.

А сам он ведь был страшно болен и поразительно, как, несмотря на туберкулез, несмотря на кашель, который временами мучил его, он умел сохранять бодрость и юмор, сам смеясь над своей болезнью. Я часто думала, он победит ее, такой человек не может не победить. Вот относительно кого можно было сказать: «Человек — это звучит гордо». Я любила его за его необычайную чуткость ко всякому несчастью, и не было горя, в котором он не являлся бы самым горячим утешителем, и он умел это сделать, не задевая больные струны, а внушая надежду и веру в возможность победы над собой.

Я помню, когда он читал нам свою «Мать», казалось, он весь жил в ней, и необходимо отметить, что он вообще необычайно нежно и хорошо относился к женщине, в особенности матери. Слушая его негромкий глухой голос, я думала о том, как прекрасно быть именно такой матерью и сама хотела достичь этого.

Вообще во всем, что говорил Горький, во всем, что он рассказывал и как он рассказывал — всегда была глубокая идея и желание толкнуть человека вперед, показать ему его настоящий путь. Вот за это-то я и любила его так глубоко и нежно, и это чувство, полученное от такой большой горячей души, осталось у меня на всю жизнь. Никогда во всем, что он рассказывал, как бы это ни было рискованно, не звучало, не было, не чувствовалось ни малейшей пошлости. Его рассказы были глубокими исследованиями человеческой души, перед которыми он останавливался то в восторге и восхищении, то с гневным недоумением и презрением. <...>

Я сразу поняла все огромное значение и величие этого романа. Его глухой и даже хриплый голос только подчеркивал это. Я слушала с захватывающим вниманием, я переживала все этапы жизни семьи Павла Власова. Вот отец пьяный возвращается домой, вот голод, который толкает его на пьянство. Вот покорная и безропотная Пелагея Ниловна, вот смерть отца и вот Павел становятся отроком.

Вначале это было обыкновенное человеческое дитя. Вот он отрок, ему грозит опасность стать таким же, как его отец. Мне страшно, он уже начал гулять. Я понимаю, как это опасно. Но время пришло на помощь. Павел встает, как настоящий пролетарий для того, чтобы бороться за судьбу свою и за судьбы всего рабочего класса. Он верит в победу. А Пелагея Ниловна — его мать, безропотная и покорная вначале, становится героиней из любви к своему сыну.

Благодаря своей великой любви к нему она в процессе его борьбы сама становится революционеркой, а когда его арестовывают, она становится символом революционной борьбы. Она обращается к народу и провозглашает, что народ все равно победит. Только пусть он сплотится вместе за правое дело.

Я знала, что это произведение подействует на все общественное мнение, как искра, которая раздуется в неслыханный пожар русской революции. Слушая ее, я плакала и говорила себе: «Вот такой матерью хочу быть и я и вот такого сына хочу воспитать».

Когда Горький кончил, он встал, я тоже встала, бросилась к нему на шею и поцеловала его. «Вы хорошая», — сказал он, обнимая меня. <...>

В нем было много детского. Но это, конечно, только прибавляло ему обаяния. Так хотелось его баловать, чтобы сегодняшней любовью вознаградить его за все жестокое, чего было так много в его жизни.

Часто я думала, сколько надо было иметь силы и любви к людям, сколько надо было иметь в себе бунта и надежды на лучшее будущее человечества и на преображение человека, чтобы из всей этой жестокости выйти таким революционером и гуманистом. У него я училась быть беспощадной к врагам и доброй к человеку. У нас было много разговоров о революции, о воскрешении человека, о его свободе, о красоте жизни, о любви к грядущей революции, о неиссякаемой вере в нее.

Я была очень открытая, очень непосредственная и не стеснялась высказывать ни свою любовь и восхищение, ни свою ненависть и презрение. <...>

Но страшное пришло, и пришло оно в наш дом.

Анатолий Васильевич часто уезжал в Париж, в Бельгию и Швейцарию с лекциями и рефератами. Так случилось и на этот раз. Он уехал в Париж, где пробыл две недели, оставив меня с ребенком, который был совершенно здоров и помогал мне своим счастливым видом и прелестными маленькими ужимками без грусти ожидать Анатолия Васильевича.

Но вот он возвратился. Нашему счастью не было предела, так как мы очень любили друг друга. Эти несколько дней мы были радостны, и ничто не говорило нам, что может случиться страшное несчастье. Прошло совсем немного времени, и ребенок внезапно заболел желудком. Был позван врач, который наблюдал за ним. Он нас успокоил, сказав, что это простой понос, и давал ему висмут. Была странная жара, дело было в июле, Капри казался раскаленным и вот, спустя два дня после заболевания, у него сделались судороги и он умер.

Горький немедленно вызвал из Неаполя за день до агонии очень хорошего детского профессора, который немедленно приехал и посмотрел ребенка и те лекарства, которые ему давали, он констатировал: у ребенка была детская холера, козье молоко и вообще молоко было недопустимо в такую жару и то, что делал врач, давая ему висмут, было преступлением. Нашему отчаянию не было предела и я не знаю, чем бы все кончилось, если бы не Горькие. Мария Федоровна взяла на себя все хлопоты, отнеслась с таким участием, забыть которого невозможно, а Горький всячески старался утешить меня. Для него горе и боль матери были так понятны. Вся его благородная, полная сочувствия и сострадания природа сказала, как никогда.

Казалось бы, наши отношения станут еще ближе. Но тут произошло что-то непонятное, что до сих пор я не могу себе объяснить. Я заметила странно нервное отношение ко мне Марии Федоровны. Как раз приехал мой брат Богданов со своей женой. Горький очень нежно относился к Богданову и поселил их у себя. Но, конечно, они каждый день приходили к нам. И вот однажды жена брата сказала мне: «Будь осторожна, так как Мария Федоровна к тебе ревнует». Это ошеломило меня. Я любила Горького, как могут только любить молодые счастливые люди, у которых есть все, что необходимо для личного счастья — любимый и любящий муж, с которым общие идеалы, общая цель, полная гармония духовного общения. А Алексей Максимович был человеком с великой душой, с великим сердцем, которого я обожала без всякой предвзятости. И хотя то, что мне сказала жена моего брата, показалось мне до такой степени нелепым и парадоксальным, что я скорее приписала это ее заблуждению и не обратила на это особого внимания. Но когда мой брат Богданов подтвердил это, я стала наблюдать. Странно, почему у нас так могли измениться отношения! После ее участия ко мне, за которое я была безмерно ей благодарна и после участия Горького, что было мне также понятно, к ним обоим у меня только выросло чувство любви, к которому теперь в большей степени примешивалась благодарность. Да и что мог иметь Алексей Максимович по отношению к юной женщине, счастливой в своей личной жизни, переживающей страшное горе, что мог он иметь, кроме самого глубокого самого человеческого участия и сочувствия.

Но факты упрямая вещь. Несмотря на то, что в голову никогда не приходило, что такая красивая, такая обаятельная женщина может меня, ко мне ревновать человека, к которому я отношусь с благоговением, а по разнице возраста, как к отцу. Но, тем не менее, что-то запало мне в душу, я начала присматриваться и прислушиваться. Да, несомненно, отношение ко мне Марии Федоровны круто изменилось, а в зависимости от этого начало изменяться и мое отношение к ней.

Тут произошло потрясшее меня событие. Однажды, когда я пришла к Горьким, Алексей Максимович сердито сказал:

— Мария отравилась. Положение серьезное.

Начались расспросы, как, почему. Оказалось, что по ошибке она ночью выпила вместо стакана воды — бертолотовую соль. Через несколько дней приехал экстренно вызванный ее сын — Желябужский. И с первых же шагов я почувствовала, что он относится ко мне враждебно. Он еле со мной разговаривал. Старался не оставлять меня наедине с Горьким и неохотно отвечал на вопросы о том, как здоровье Марии Федоровны.

Однако сильный организм ее победил. Она встала. Но так холодно встретила мою радость, что раз навсегда отбила у меня охоту продолжать бывать у них.

Я стала просить Анатолия уехать с Капри как можно скорее в Неаполь. Было слишком тяжело и грустно. Все стало казаться по-иному. Алексей Максимович всячески старался сгладить это впечатление. Он умел баловать. Это вообще была его особенность. По отношению к человеку, к которому он относился хорошо. Это была его отличительная черта. Для людей сильных его баловство являлось положительным. Оно требовало еще больше подтягиваться и быть всегда на высоте. А для людей слабых часто это являлось роковым. Оно развращало и уничтожало всякое сопротивление своим недостаткам. А для меня это было горько и вызывало чувство протеста. Так как я понимала, что Горький делает это для того, чтобы сгладить впечатление от поведения Марии Федоровны, оно не разряжало обстановки и желание уехать в Неаполь являлось для меня непреодолимым. Горький пытался нас удержать, но я была непреклонна. Анатолий Васильевич тоже убеждал меня подождать, так как у него была общая работа с Горьким об организации каприйской школы.

В конце концов мы уехали. Новая обстановка, чудесный город Неаполь, Неаполитанский залив, новые впечатления совсем отвлекли меня от переживаний, связанных с Капри.

Мое горе было для меня достаточным переживанием. Анатолий же постоянно ездил к Горькому на Капри, и всякий раз Горький спрашивал его, почему я не приехала. Но я категорически отменяла от себя всякое желание вновь быть на Капри и действительно не ездила туда до самой каприйской школы.

К Горькому в то время приехал рабочий Михаил — совершенно необычайный парень, играющий большую роль среди рабочих. Он поселился у Горького, но часто приезжал к нам в Неаполь. Я очень быстро с ним подружилась, и вот что он мне рассказал: он выразил свое удивление, что он совсем не такой представлял меня, как меня описывала Мария Федоровна. Причем он сообщил мне некоторые факты, которые совсем меня ошеломили. С полным спокойствием Мария Федоровна описывала мою жизнь в Неаполе и сообщала, почему я не приезжаю на Капри. Дело в том, что, по ее мнению, я изменяю Анатолию Васильевичу, оставаясь одна, даю волю своим склонностям к флиртам и т.д.

Однажды я получила от Горького записку, в которой он очень меня просил приехать на Капри встречать вместе пасху. Нет. Я не поехала. А потом по приезде Анатолий Васильевич с удивлением сказал мне: «Ничего не понимаю. Подниматься на Капри надо было на фуникулере. Когда я собирался выходить, по лестнице быстро сбегали Мария Федоровна и Алексей Максимович.

— А Анна Александровна где? — озираясь, спросил Горький.

— Я тебе говорила, Алеша, что она не придет, — сказала Мария Федоровна.

Алексей Максимович был очень огорчен, а Мария Федоровна все повторяла:

— Я выиграла пари.

Позднее, когда мы были уже у Горьких на вилле и остались вдвоем с Горьким в его кабинете, Горький ходил взад и вперед по комнате и повторял:

— Да, любовь — это серьезная штука.

Я был в недоумении, но ничего не сказал на это».

А Михаил все приезжал и приезжал, и мы стали настоящими друзьями. В последний раз он сообщил мне такую страшную для меня вещь, о которой ему рассказывала Мария Федоровна, что я не выдержала и расплакалась.

Прошло некоторое время. Каприйская школа должна была открываться. В нее были собраны самые выдающиеся в рабочем движении люди и Анатолий Васильевич с Горьким должны были приступить к лекциям.

Мне тоже пришлось ехать. Но перед отъездом Анатолий обещал мне разоблачить Марию Федоровну перед самим Горьким. Когда мы приехали, навстречу нам попала Мария Федоровна, и мы оба не подали ей руки.

Ничего не подозревавший Горький встретил нас по обыкновению с шумным радушием.

И упреками мне, что я не приезжала.

— Это что же, кума! Вы меня обидеть захотели?

Я молчала, а Анатолий Васильевич сказал:

— Нам надо объясниться.

Мы прошли в кабинет Горького, и Анатолий Васильевич рассказал ему о клевете Марии Федоровны.

Горький вскочил и крикнул в дверь:

— Мария, пойдی сюда!

Мария Федоровна, бледная, как смерть, с неподвижным лицом, вошла в кабинет и села.

Горький повторил ей слова Анатолия Васильевича. Спокойно внешне, ровным голосом она сказала:

— Да, это правда, это так и было.

Полная негодования и боли я вскочила и смотрела на нее, потом, обратившись к Анатолию Васильевичу, сказала:

— Уйдем. Нам здесь делать нечего.

И повернувшись к Горькому, прибавила:

— Вы верите.

Горький молчал. И мне казалось, что в это мгновение моя любовь к нему умерла. Вид у него был смущенный и чужой.

Мы вышли. Страшнее всего было то, что эта последняя ее клевета была тесно связана с моим ребенком.

— Я пришла к ним, оба сидели у кровати ребенка, и Анна Александровна воскликнула:

— Не мешайте нам творить литургию красоты у гроба нашего ребенка.

Ничего более гнусного и нелепого нельзя было придумать. Я не могла понять, как в одном человеке могло соединиться и такая заботливая нежность, которую она проявила по отношению ко мне после смерти ребенка, ее хлопоты, ее забота, как могло это соединиться с такой ужасно злой, совершенно нелепой выдумкой.

Я проплакала всю бессонную ночь. Итак, все кончено. Кончено наше счастливое и радостное содружество, кончена наша нежная дружба, кончена моя любовь к Алексею Максимовичу, молчание которого говорило о том, что он мог поверить.

xxx

Спустя много лет, в 1918 году, мы встретились в Александрийском театре с Марией Федоровной. Как ни в чем не бывало, она бросилась ко мне на шею.

— Вот хорошо. А Алеша как раз здесь и будет очень счастлив повидаться с Вами. Я сейчас ему позвоню.

Алексей Максимович прислал за мной машину. Я была полна радости от свершившейся революции, о которой мы столько мечтали вместе когда-то, видя в этом новое рождение людей.

Мы встретились с Горьким очень радостно и с прежней горячей сердечностью и нежностью. Мы обнялись, несмотря на то, что прошло уже так много лет, рана все еще не зажила вполне и первые мои слова были:

— И Вы поверили тогда?

Алексей Максимович смутился и ответил:

— Я подумал, что, быть может, Вы сошли с ума.

— Ну а теперь?

— Нет. Теперь я знаю, что Вы только птица Сирина.

И мы опять обнялись. Горький был чрезвычайно озабочен всем, что происходило, и боялся за исход революции, я с энтузиазмом убеждала его в том, что все будет прекрасно, что народ силен, что он проснулся и что мы сильны. И он опять сказал:

— Вы птица Сирина.

Мы долго разговаривали с ним о том, что будет и мне казалось, что он сам отшел от себя все сомнения и поверил в счастье.

Я часто задумывалась над личностью Марии Федоровны, над ее совершенно противоречивыми поступками и высказываниями. Особенно, что меня поражало, это ее спокойная уверенность, с которой она выдумывала самые невероятные вещи относительно человека, который почему-нибудь вызывал ее антипатию. Часто мне даже казалось, что в ней уживались две личности, совсем противоположные одна другой. С одной стороны, обаятельная, полная сочувствия к человеку и другая — злобная, жестокая, готовая на все, чтобы очернить этого человека.

Откуда родилась эта вторая личность! Властная, она доводила свою властность до деспотизма. Человек, не подчиняющийся ее деспотизму, становился для нее личным врагом и тут фантазия ее не знала предела. Так было и в данном случае.

Вспоминая ее последующие годы после революции, когда она работала в Театральном отделе Наркомпроса, — это были сплошные интриги и ссоры с товарищами, в частности, с Каменевой, которая была вполне ей под стать. Они вечно жаловались друг на друга, обращаясь к Анатолию Васильевичу, чтобы он рассудил их и оказал преимущество одной из них.

Текст воспоминаний (в сокращении) публикуется по машинописи, хранящейся в Архиве А.М. Горького.

Подготовка текста к публикации М.А.Ариас-Вихиль.

1. Gor'kij — Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911) / a cura di Jutta Scherrer, Daniela Steila. Roma: Carocci, 2017. 764 p.
2. Ариас-Вихиль М.А. Планетарная утопия философии коллективизма: каприйский эксперимент // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. М.: Индрек, 2016. С. 538-551.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 4. М.: Наука, 1998. С. 31.
4. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 6. М.: Наука, 2000. С. 109.
5. Пятницкий К.П. Дневник. АГ МОГ.
6. Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф.Андреевой. М.: Искусство, 1961. С. 137, 139.
7. Луначарская А.А. Воспоминания. Архив А.М.Горького ИМЛИ РАН. АГ МОГ 8—14—1.
8. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Согласие, 1997. С. 352.
9. Rogachevskii A., Michalski M. Social Democratik Party School on Capri and Bologna in the correspondence between A.A.Bogdanov e A.V.Anfiteatrov // The Slavonic and East European Review. 1994. Vol. 72. № 4. P. 664-679.
10. Scherrer J. Les Ecoles de Parti de Capri et de Bologne // Cahier du monde russe. 1978. Vol. 19. № 3. P. 259-284.
11. Горький в зеркале эпохи. Неизданная переписка. Серия «М.Горький. Материалы и исследования». Вып. 10. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 736 с.
12. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904—1914) // Неизвестный Богданов: В 3 т. Т. 3. М.: ИЦ «АИРО—XX», 1995. 243 с.
13. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 8. М.: Наука, 2001.
14. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 9. М.: Наука, 2002.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 219-220.
16. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 7. М.: Наука, 2001. С. 200.

References

1. Jutta Scherrer, Daniela Steila, eds. Gor'kij — Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita (1908—1911). Roma, Carocci Publ., 2017. 764 p.
2. Arias-Vikhil' M.A. Planetarnaya utopiya filosofii kollektivizma: kapriyskiy ehksperiment [The planetary utopia of the philosophy of collectivism: the Capri experiment. Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Utopiya i ehskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma. Moscow, 2016, pp. 538-551.
3. Gor'kiy M. Full coll. of works, letters in 24 vols, vol. 4. Moscow, 1998, p. 31.
4. Gor'kiy M. Full coll. of works, letters in 24 vols, vol. 6. Moscow, 2000, p. 109.
5. Pyatnitskiy K.P. Dnevnik [Diary]. AG MOG.

6. Andreeva M.F. Perepiska. Vospominaniya. Stat'i. Dokumenty. Vospominaniya o M.F.Andreevoy [Correspondence. Memories. Articles. Documentation. Memories of M.F. Andreeva]. Moscow, 1961, pp. 137, 139.
7. Lunacharskaya A.A. Vospominaniya [Memoirs]. Arkhiv A.M.Gor'kogo IMLI RAN. AG MOG 8—14—1.
8. Khodasevich V.F. Coll. of works in 4 vols, vol. 4. Moscow, 1997, p. 352.
9. Rogachevskii A., Michalski M. Social Demokratik party School on Capri and Bologna in the correspondence between A.A.Bogdanov e A.V.Anfiteatrov. The Slavonic and East European Review, 1994, vol. 72, no. 4, pp. 664-679.
10. Scherrer J. Les Ecoles de Parti de Capri et de Bologne. Cahier du monde russe, 1978, vol. 19, no. 3, pp. 259-284.
11. Gor'kiy v zerkale ehpokhi. Neizdannaya perepiska [Gorkiy in the mirror of the epoch. Unpublished correspondence]. Seriya "M.Gor'kiy. Materialy i issledovaniya", iss. 10. Moscow, 2010. 736 p.
12. Bogdanov A.A. Desyatiletie otluheniya ot marksizma. Yubileyny sbornik (1904—1914) [Departure from Marxism for a decade. Jubilee collection (1904-1914)]. Neizvestnyy Bogdanov in 3 vols, vol. 3. Moscow, 1995. 243 p.
13. Gor'kiy M. Full coll. of works, letters in 24 vols, vol. 8. Moscow, 2001.
14. Gor'kiy M. Full coll. of works, letters in 24 vols, vol. 9. Moscow, 2002.
15. Lenin V.I. Full coll. of works, vol. 47. Moscow, 1970, pp. 219-220.
16. Gor'kiy M. Full coll. of works, letters in 24 vols, vol. 7. Moscow, 2001, p. 200.

Paola Cioni, Marina Arias-Vikhil. "Memoirs of A.A.Lunacharskaya about Maxim Gorky". The article consists of two parts: an analytical preamble and the publication of A.A.Lunacharsky's (Malinovsky's) memoirs stored in the A.M.Gorky Archive of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science. The article focuses on the complicated twists and turns in the relationship between the founders of the Capri School M.Gorky, A.Lunacharsky, and A.Bogdanov: notwithstanding the ideological affinity, their union eventually broke up. A.A.Lunacharsky's (Malinovsky's) memoirs allow to shed light on a series of aspects regarding the end of the School and the rupture between M.Gorky and A.Bogdanov. Soviet historiography has always considered Gorky's ideological affinity with Bogdanov as a temporary mistake, after which Gorky "repented" and came back to Leninist principles. In fact, things went quite differently. Gorky did not reject Bogdanov's ideas: instead, the end of their friendship occurred because of personal dissents provoked by M.F.Andreeva's inappropriate behavior, of which we find evidence in Lunacharsky's (Malinovsky's) memoirs.

Keywords: Gorky, Lunacharsky, Bogdanov, Anna Lunacharskaya, party school in Capri, Maria Andreeva, Lenin.

Сведения об авторах. Паола Чони — директор Итальянского института культуры в Санкт-Петербурге, кандидат исторических наук; paola.cioni@gmail.com; М.А.Ариас-Вихиль — старший научный сотрудник Архива А.М.Горького Института мировой литературы им. А.М.Горького, кандидат филологических наук; marina.arias@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2018.